

Выбор Вайды

В конце прошлой недели в Москве началась декада «Анджей Вайда и новое польское кино»

Записала Ольга Шумяцкая

Это очень официальное мероприятие, организованное посольством Польши в России, министерствами культуры обеих стран и множеством других организаций, которые помогли привезти в Россию 26 фильмов Анджея Вайды, 7 его театральных постановок, а также 5 картин молодых польских режиссеров из Школы мастерства кинорежиссуры в Варшаве, Вайдой основанной. Все свои фильмы Вайда отбирал сам. Получился внушительный список лент, которые до сих пор не были показаны в России, классики вроде «Пепла и алмаза», «Дантона», «Человека из мрамора» и «Человека из железа» и работ, сделанных по мотивам русской классики, начиная с «Сибирской леди Макбет» и заканчивая «Настасьей» по «Идиоту» Достоевского. В Москву великий польский режиссер приехал, чтобы представить свою ретроспективу, принять участие в семинаре «Театр Вайды», открыть выставку фотографий и эскизов к своим спектаклям под общим названием «Достоевский и театр советский», получить звание почетного доктора ВГИКа и провести несколько мастер-классов. 77-летний живой человек из мрамора оказался очень улыбчивым, очень разговорчивым, очень доброжелательным и очень склонным с ходу просто говорить о серьезных вещах.

О русской классике и Достоевском

— Мое творчество всегда было связано с русской литературой и Достоевским, и я всегда ощущал в этом огромную радость. Наше отношение к русской литературе, и особенно к Достоевскому, вообще имеет особый характер, потому что ему удалось показать болезнь не только России, но болезнь мира и времени. Хотя я припоминаю сейчас слова капитана Лебядкина о том, что Россия — это игрушка природы, а не разума. Раньше, в 70-е годы, считалось, что право на русскую классику имеет только советский кинематограф. Любое обращение к тому же Достоевскому было практически обречено. Поэтому я страшно рад, что могу сегодня привезти спектакль «Преступление и наказание». Это лучшее, что у меня получилось. И страшно огорчен, что не сохранилась запись спектакля «Бесы», который был поставлен на сцене «Старого театра» в Кракове. 15 лет эта постановка шла на сцене, и 15 лет телевидение не решалось перенести ее на экран. Там играли выдающиеся актеры. Мне кажется, что в этой постановке я действительно сумел прикоснуться к Достоевскому. Мне очень хотелось экранизировать этот роман, и в 1988 году я сделал такую попытку. Мне казалось, что я все знаю на эту тему, что «Бесы» могут стать знаковым произведением и повлияли на 20 лет жизни. Что же оказалось? Оказалось, что мои польские актеры, с которыми я делал спектакль, уже не могут сыграть ни Ставрогина, ни Верховенского, что фильм должен быть снят на французские деньги с участием французских актеров, которые не вполне понимали, чего я от них хочу. Это не их вина. Может быть, я не сумел объяснить. Может быть, надо было делать картину с поляками или русскими, но то, что в театре было силой, совершенно исчезло в кино. Существует громадная разница между текстом Достоевского и тем, что мы привыкли называть «достоевщиной». Достоевский — это идеология, это вдохновенная мысль, которая произает время и открывает то, что находится в нашей душе. Но Достоевский писал для тех, кто читает. Ему надо было думать о том, как захватить читателя. И когда ставишь его на сцене, на первый план выходят диалоги. Бахтин говорит, что сознание героев Достоевского заключено в диало-

Анджей Вайда фильмы для ретроспективы в Москве отбирал сам

гах, поэтому очень важно, чтобы герои на сцене много говорили. А что происходит в кино? Там на первый план выходят образы-картинки. Образы в кино иллюстрируют то, что происходит с героями, диалоги теряют свое значение. И возникает та самая «достоевщина». Для меня это стало невероятно болезненным опытом.

О Чехове и Толстом

— Я обожаю смотреть Чехова на сцене. Такие поразительные чувства! Может быть, именно по этой причине я никогда не осмеливался его ставить. Мне даже в голову это не приходило. И по Толстому я бы никогда не отважился поставить фильм, хотя однажды возникла такая идея. Есть прекрасный рассказ Толстого «За что?» Он переписывал его 17 раз. Вот его я бы хотел экранизировать.

О новом польском кино

— Я верю в новое польское кино. Если бы не верил, то не основал бы вместе с Войчеком Марчевским Высшую школу режиссуры. Я бы хотел, чтобы эта академия объединила молодых режиссеров Запада и Востока, чтобы на одном курсе учились кинематографисты с Украины, России, Дании, Германии, Франции. Это моя большая мечта. Новое польское кино рождается с болью — до сих пор нет государственного положения, которое могло бы защитить национальный кинематограф, трудно найти средства для производства фильмов, и все же последние годы польский зритель способствовал нашему успеху. Такие ленты, как «Огнем и мечом» Ежи Гоффмана, «Во вадис» Ежи Кавалеровича, мой «Пан Тадеуш» стали национальными хитами. Но почему именно исторические ленты так привлекают зрителя? Я пытался ответить на этот вопрос. Мы сейчас начинаем вхождение в объединенную Европу и пытаемся сами для себя определить — кто, собственно, есть мы, поляки, какой у нас характер, чем мы отличаемся от других наций, каков наш язык? Наверное, поэтому зритель так охотно откликается на обращение к истокам. Мы пока не можем дать ответ на то, что произошло с нами за последние 10 лет — слишком мало времени прошло после крушения коммунистического режима, слишком быстро все случилось. Кино еще не в состоянии это осмыслить, поэтому так мало появляется фильмов на современную тему. Хотя недавно я обратился к молодым людям, так называемому Интернет-поколению, с вопросом — какой фильм я мог

бы сейчас для вас снять? Пришло 200 ответов. 98% — темы из современной жизни. Мне очень понравилась одна идея, мы даже придумали ей название — «Польша 2 мая». 1 мая празднуют левые, а 3-го — правые. 3 мая была создана Польская конституция. А между 1-м и 3-м существует 2 мая.

О Булгакове и фильме «Пилат и другие»

— Мое знакомство с Булгаковым пришлось на конец 60-х — расцвет движения хиппи, которые провозглашали приход Иисуса. Меня очень привлекала мысль снять картину о Иисусе, который является в реальную жизнь, я даже договаривался со сценаристами о работе на эту тему. Но никто так и не предоставил мне нужного материала. В этот момент в Польше как раз появился перевод «Мастера и Маргариты». Книга разлетелась в один момент. Тот единственный экземпляр, который я сумел достать, дал мне сам переводчик. Прочитав его, я понял, что фрагменты о Пилате — то самое, что я ищу. Разумеется, речи не было о том, чтобы снимать в России, поэтому вся московская линия не могла быть экранизирована. Я подготовил сценарий по евангелической части и поехал на немецкое телевидение, которое давно меня приглашало. Я подумал: сделаю историю Христа в Германии, сниму Нюрнберг. Пригласил польских актеров, взял чешского оператора, и вот этой славянской компанией мы поднялись на трибуну, с которой выступал Гитлер. Это было одно из самых прекрасных мгновений моей жизни! Мы смотрели на руины тысячелетней империи — славяне, которые должны были быть уничтожены этой империей! С большим напряжением в картине сыграли два немецких актера — они играли тех подлецов, что были распяты вместе с Иисусом. Но это случайно так получилось. Я очень хотел, чтобы картину показали в Польше, но это было нелегко. Мы смогли сделать это только после смерти Яна Крейчмана, который играл Пилата, только в память о нем нам дали разрешение сделать 2 копии и демонстрировать их в кино клубах. Эти 2 копии посмотрели тысячи людей. Удивительно, сколько людей говорили мне потом, что видели «Пилата»!

О будущем фильме про катынскую трагедию

— Трудно сказать, состоится ли фильм, пока не написан сценарий. А написать сценарий про Катынь очень трудно. Странность заключается в том, что одно из важнейших событий Второй мировой войны, после которого польский народ получил такой опыт трагедии, не оставило в нашей литературе ни рассказа, ни повести, ни романа, ни одного произведения, которое могло бы лечь в основу будущей картины.

О Жераре Депардье

— Когда я приступал к съемкам «Дантона», то пригласил на главную роль Депардье. Он сказал: «Ладно, ради тебя я сыграю Дантона. Только объясни ради Бога, что им было нужно в этой Французской революции!».

О работе европейца в Америке

— Чтобы снять американскую картину, надо жить американской жизнью. Милошу Форману потребовалось 10 лет, чтобы его фильмы получили в Америке признание. Если бы я поехал в Америку, то, наверное, захотел бы сделать что-то на тему «Пепел и алмаз». Но такая тема вряд ли заинтересует американцев. Мне бы пришлось начинать творческую жизнь сначала, а ведь я уже в 29 лет после «Пепла и алмаза» был признан в Польше «старым классиком». Так называли меня коллеги и друзья. Вон наш «старый классик» приехал! Что ж тут начинать заново!

О Сокурове

— Это режиссер, который меня и восхищает, и потрясает. В прошлом году я с большой гордостью вручал ему награду «Приз свободы». «Русский ковчег» кажется мне гениальной работой. А образ, которым заканчивается картина — сцена бала, каким великим талантом должен обладать режиссер, чтобы создать этот образ! Я смотрел и думал: неужели в такой стране могла победить революция!